

Бай Лисинь стал учеником Су Миецзуна таким гармоничным и естественным образом. Долина Короля Медицины была обширной и пустой, она стояла в виде круга посреди внутренних земель, где пересекались пути Военного Альянса и Секты Демонов.

Внешний круг был окутан миазмами и туманом, а властный Гу наблюдал и ждал своего шанса.

Во внутреннем круге находились целебные поля с тысячами разновидностей лекарственных растений, за которыми тщательно ухаживал особый мальчик-знахарь. Другими словами, это было в пределах досягаемости знахарей.

Другими словами, эта область также находилась в пределах жилой зоны знахарей. Чуть дальше в жилую зону могли пройти только три хозяина.

У Кхонху Цзуна были другие дела, поэтому он принял тысячелетний женьшень, переданный Бай Лисинем, и в спешке ушел. Чи Юаньсинь больше никогда не появлялась с самого начала и до конца.

Как только Кхонху Цзун ушел, в комнате остались только Су Миецзун и Бай Лисинь.

Глядя на Бай Лисиня, который все еще сидел в своем кресле и мирно потягивал чай, Су Миецзун был в ярости от его неторопливого вида: «Присоединившись ко мне, ты теперь знахарь, а не высокий и могучий повелитель Демонов. Так почему ты все еще сидишь там? Пойдем со мной».

Только тогда Бай Лисинь поставил чашку чая и встал. Широко улыбаясь и заложив руки за спину, он сказал: «Пожалуйста, покажите дорогу, господин Су Миецзун».

Когда он шел, его широкая алая мантия слегка колыхалась от взмахов талии и рук.

Длинные, как атлас, черные волосы были лишь небрежно убраны назад, что придавало ему какой-то несдержанный и лихой вид. Су Миецзун долго смотрел на Бай Лисиня праведным взглядом, прежде чем холодно фыркнул и повернул голову, чтобы показать путь.

Он не любил, чтобы его обслуживали другие, и в его саду не было никого, кроме него самого.

— Ты единственный, кто живет в этом разрушенном саду? Бай Лисинь сложил руки за спину, его глаза метались взад и вперед по приятному саду.

«Мне не нравится, когда люди находятся рядом со мной, поэтому я все делаю сам. Тебе не нужно беспокоиться о том, что я порабочу и погоню тебя, даже если ты станешь моим знахарем. Ты можешь быть уверен, что я не заставлю тебя делать вещи подчиненного».

Услышав эти слова, Бай Лисинь улыбнулся и бросил взгляд на Су Миецзуна. Как будто в его глазах был крючок, который сразу же зацепил душу Су.

Проследив взгляд, Бай Лисинь наклонил голову и повернулся, чтобы осмотреть большой сад: «Сад довольно большой, но немного пустой. Было бы лучше, если бы здесь можно было посадить персиковое дерево. Каждый год поздней весной распускаются цветы персика и облетают их лепестки, а аромат цветов приятный и красивый. Было бы здорово, если бы мы могли постелить под ним две циновки и узкий стол, чтобы мы с тобой могли играть в шахматы в свободное время?»

«А там было бы здорово, если бы мы вырыли канаву, чтобы вывести родник со двора, и построили бы через него деревянный мост. Звон воды будет настолько освежающим, что не только успокоит ум, но и откроет вид».

Естественность его слов и испытующий взгляд в его глазах были совсем как новая жена, украшающая дом своего мужа.

Су Миецзун слушал приятный голос, и его разум не мог не вызвать в воображении сцену, которую создавал Бай Лисинь, сцену, в которой участвовал не только он сам, но и Бай Лисинь, и его сердце внезапно забилось быстрее.

Но потом он подумал о Кхонху Цзуне, который наблюдал за ними. Он подавил свое сердцебиение: «Поехали. Вот такой сад с тех пор, как я въехал. Если ты не привык к моему дикому и суровому месту, ты сам его уберешь, и я не буду сопровождать тебя в тусовках».

Бай Лисинь надулся: «Ты всегда слишком предусмотрителен. Но раз уж ты так сказал, я приберу это место в будущем, но ты не должен наслаждаться этим. Хм! — С холодным фырканьем он поправил свою одежду и, пошатываясь, направился от Су Миецзуна к главному дому.

Главный дом был простым и элегантным. Бай Лисинь взглянул на боковую комнату рядом с ним и, даже не останавливаясь, ворвался в комнату Су Миецзуна: «Ты никогда никому не позволяешь прислуживать тебе, и этой твоей боковой комнатой не пользовались уже много лет. Вероятно, там полно крыс и змей. Я достойный лидер Секты Демонов. Как я могу жить в таком месте?»

Су Миецзун посмотрел на пустую боковую комнату, подошёл к Бай Лисиню и кивнул: «Хорошо, ты можешь остаться в моей комнате. Я буду спать в боковой комнате».

Ноги Бай Лисиня остановились, и он повернул голову, чтобы злобно взглянуть на Су Миецзуна: «Ты намеренно злишь меня, не так ли?»

Подражая сердитому лицу Бай Лисиня, Су Миецзун слегка дернул уголками рта и рассмеялся: «Тогда чего именно ты хочешь? Как я узнаю, если ты мне не скажешь».

Старый водитель! Этот Су Миецзун, должно быть, старый водитель!

Бай Лисинь снова посмотрел на Су Миецзуна, и внезапно его глаза закатились, его тело смягчилось, когда он упал в объятия Су Миецзуна.

Су Миецзун инстинктивно поспешно обнял его тело, с тревогой спрашивая: «Что с тобой, Нин Сюань Бин?»

Бай Лисинь зарылся в объятия Су Миецзуна и уткнулся головой в его грудь, беззвучно смеясь, его плечи неудержимо дрожали, а также была безмолвная улыбка.

«Что с тобой не так? Холодный яд Нанчи снова среагировал?» Увидев дрожащие плечи Бай Лисиня, Су Миецзун крепче обнял его и поднял, прежде чем пинком открыть дверь и ворваться в главную спальню.

Бай Лисинь собрался с выражением и поднял бледное лицо, чтобы посмотреть на Су Миецзуна: «Мой холодный яд Нанчи время от времени атакует, даже я не знаю, когда это начинается и заканчивается. Тебе действительно удобно оставлять меня здесь одного?»

Су Миецзун не мог слушать, что в этот момент сказал Бай Лисинь: «Заткнись, я использую свою энергию, чтобы исцелить тебя!»

Бай Лисинь рассмеялся и слабо покачал головой: «Это бесполезно. Ты только временно подавляешь яд. Оно все равно придет, когда должно. Но если ты сделаешь что-то еще со мной, это будет другое. Я знаю, что ты лекарственное тело. Твоя кровь и биологические жидкости полны огненного яда, который как раз подходит для сдерживания моего холодного яда».

Сказав это, Бай Лисинь потянул Су Миецзуна на себя, и его язык впился ему в рот.

Су Миецзун на мгновение был ошеломлен, а затем его язык переплелся с языком Бай Лисиня. Его поцелуи становились тяжелее и яростнее, а его руки неудержимо касались, казалось бы, мягкой и бескостной, но сильной талии Бай Лисиня.

Было ясно, что он только хотел помочь Нин Сюань Бину обезвредить яд, но теперь он не мог остановиться. С низким рычанием он снова глубоко завладел мягкими губами.

Его руки скользнули по идеальным изгибам тела Бай Лисиня до самых бедер.

Когда он дотронулся до твердого места, сознание Су Миецзуна немного прояснилось, он вытащил язык и с прерывистым дыханием спросил: «Разве он не бездействует?»

Глаза Бай Лисиня теперь были слегка сужены, его глаза соблазнительно улыбались. Он

протянул руку к все еще широко открытой двери и закрыл ее взмахом руки, и защелка автоматически захлопнулась.

Сделав это, Бай Лисинь сказал: «Меня не возбуждает никто, кроме тебя. Ты мое лекарство».

Су Миецзун боролся со своей похотью и сопротивлялся желанию опустошить этого маленького демона сейчас: «Ты давно говоришь, что я твое лекарство. Чего ты хочешь от меня? Ты знаешь, что моя кровь и телесные жидкости убьют тебя?»

По-видимому, опасаясь, что Бай Лисинь ему не поверит, он использовал свою истинную ци, чтобы порезать указательный палец и капнуть две капли крови на землю.

В тот момент, когда кровь упала на землю, вырвался черный дым, и кровь исчезла, оставив лишь маленькую дыру в земле.

Он вздохнул и указал на землю: «Видишь, теперь ты мне веришь?»

Бай Лисинь, однако, только мягко улыбнулся, когда он протянул руку и втянул кровоточащий палец Су Миецзуна в рот, облизывая его.

С самого начала Су Миецзун собирался встать и вынуть палец.

Он знал, что его кровь очень ядовита и что, попав внутрь, человек обязательно умрет.

Однако Нин Сюань Бин держал указательный палец, его язык блуждал по нему, как маленькая змея, и он даже поднял глаза и подмигнул.

Он застыл и мгновенно убедился в его неуязвимом телосложении.

Вынув палец изо рта, Бай Лисинь зацепил рукой ремень Су Миецзуна и легким движением запястья развязал его.

Одежда, которая была так тщательно надета до этого, расстегнулась. Его руки не остановились на этом, когда он сбросил ремень с кровати, а затем двинулся, чтобы снять черную верхнюю одежду Су и белую внутреннюю одежду.

Мягкие, тонкие пальцы коснулись его груди, и Миецзун не выдержал такого домогательства. Его глаза покраснели, его разум отключился, и все, что осталось от его здравомыслия, исчезло.

С придушенным ворчанием он схватил обе руки Бай Лисиня одной рукой и крепко держал их

над головой: «Прости!» Одним усилием он разорвал и без того свободную одежду Бай Лисиня.

Бай Лисинь знойно рассмеялся, его голос был приятным и чарующим, как у суккуба, вторгшегося в землю: «Всегда ведешь себя серьезно, видишь ли, ты ничего не можешь с собой поделаться».

Никто не знал, что в этом разрушенном саду днем занимались любовью двое.

Кровать сильно тряслась, и стоны, смешанные с приглушенными стонами и ударами, поднимались и стихали, когда солнце становилось еще более ядовитым.

Вечером пришел знахарь, чтобы принести еду.

Дважды постучав в дверь, но не получив ответа, знахарь предположил, что Су Миецзуна, вероятно, нет дома, поэтому он решил толкнуть дверь и поставить еду на свой стол.

Он еще несколько раз толкнул дверь рукой, но дверь не открылась.

После паузы знахарь снова постучал и крикнул: «Мастер Су, пора ужинать».

Казалось, что в комнате что-то сильно трясется, и знахарь выглядел ошеломленным. Его глаза мгновенно стали ледяными. Может это убийца?

Знахарь поставил еду на пол и собирался ворваться в комнату, когда из комнаты донесся холодный голос Су Миецзуна: «Я знаю, теперь ты можешь уйти».

Рука знахаря, наполненная внутренней энергией, замерла и отдернулась, а глаза снова стали безразличными.

Его тело выпрямилось, и он почтительно поклонился: «Как прикажете, Третий Мастер». Сказав это, он развернулся и ушел.

<http://bllate.org/book/15650/1399619>